

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

**Баллада В. Скотта "Замок Смальгольм" в переводе В. Жуковского
Шершикова Александра Викторовна**

Студент

*Донецкий национальный университет, Факультет иностранных языков, Донецк,
Украина*

E-mail: a.shersh@bk.ru

Вальтер Скотт, создатель жанра исторического романа, как известно, начинал свой путь в литературе с поэзии. Природа и люди родного края – Шотландии - служили основным источником его вдохновения. Он объездил селения, изучая старинные традиции и предания. Результатом этих поездок стал сборник «Песни шотландской границы» (“The Minstrelsy of the Scottish Border”, 1802-1803 гг.), в который вошла знаменитая баллада «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (The Eve of Saint John“, 1799 г.).

Через 25 лет после создания баллада «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» стала доступна русскому читателю благодаря знаменитому поэту и переводчику В.А. Жуковскому. Хотя цензура настаивала на переделке произведения, в частности, требовалось приглушить пугающие элементы и добавить в финал описание мук совести главных героев, балладу удалось напечатать в «Новостях литературы» в 1824 году почти без изменений, отмечает в комментариях И.М. Семенко [2].

Её события погружают читателя в период кровопролитных битв между Англией и Шотландией. Смальгольмскому барону после таинственной отлучки сообщают, что в его отсутствие жена встречалась с загадочным рыцарем. По описанию барон узнаёт Ричарда Кольдингама, убитого им недавно. В канун Иванова дня призрак рыцаря является в замок, проклинает барона и сжимает руку возлюбленной огненным рукопожатием. С тех пор барон и баронесса одиноко проводят жизнь в монастыре.

Подлинник и оригинал баллады предоставляют перспективный материал для сопоставительного лингвостилистического анализа на различных уровнях, включая фонику, строфику, метрику, синтаксис, лексику, стилистику. Кроме того, для исследования представляет интерес история создания оригинала и перевода, а также смещение концептуальных акцентов вследствие ментально-мировоззренческих различий автора и переводчика.

Остановимся на некоторых особенностях перевода баллады «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» В. Жуковским.

Особое внимание русский поэт уделил звукописи. Различные фонетические приёмы создают исторический и национальный колорит баллады, участвуют в создании художественного образа. Зачастую переводчик не копирует соответствующие приёмы В. Скотта, а заменяет их другими, смещая при этом акценты. Например, описывая реакцию барона на весть об убитом им рыцаре, В. Скотт использует аллитерацию с глухими звуками [k],[p],[s],[t], что помогает создать выразительный образ окостеневшего скелета: «The grave is deep and dark —/ and the corpse is stiff and stark —/ So I may not trust thy tale». В. Жуковский смягчает этот образ, используя повторения мелодичных сонорных звуков [м] и [л]: «Нет! в могиле покой;/ он лежит под землей,/ Ты неправду мне, паж мой, сказал».

Подражая английской народной балладе, В. Скотт ввёл в «Замок Смальгольм» такие характерные для нее черты, как чередование четырёхударного и трёхударного дольника и разделение некоторых нечётных стихов на два полустушия с внутренними рифмами. Чтобы адаптировать размер под силлабо-тоническую систему стихосложения, В. Жуковский урегулировал метр. Он использовал чередование четырёхстопного и трёхстопного анапеста, а также увеличил количество внутренних рифм, усилив музыкальность баллады: «Уж заря занялась, был таинственный час/ Меж рассветом и утренней тьмой;/ И глубоким он сном пред Ивановым днем/ Вдруг заснул близ жены молодой». У В. Скотта это же четверостишие внутренних рифм не содержит: «It was near the ringing of matin-bell,/ The night was wellnigh done,/ When a heavy sleep on that Baron fell,/ On the eve of good St. John».

Как отмечает Е.Г. Эткинд, характеры персонажей у В. Жуковского отличаются от их описания в подлиннике [3]. Например, у В. Скотта владелец Смальгольмского замка – варвар, у которого дикий и необузданный нрав, речь его проста и груба. Так, обращаясь к пажу, он говорит: «Подойди сюда, мой маленький паж, подойди сюда к моему колену. Хотя ты юн, я думаю, ты мне верен». («Come thou hither, my little foot page;/ Come hither to my knee;/ Though thou art young, and tender of age,/ I think thou art true to me».) У более благородного и учтивого персонажа В. Жуковского эта фраза звучит совсем по-другому, доверительнее и сентиментальнее: «Подойди, мой малютка, мой паж молодой,/ И присядь на колена мои;/ Ты младенец, но ты откровенен душой, /И слова непритворны твои».

В. Скотт сделал акцент на исторически точном отображении эпохи и детальном описании средневекового оружия и амуниции, в то время как В. Жуковский усилил звучание любовной и нравственной темы, темы покаяния. Очевидно, это связано с православным и русским сознанием поэта. Кроме того, он выдвинул на первый план лирическое изображение чувств и переживаний персонажей. Например, у В. Скотта жена барона «сидела в печали и глядела на холм и долину» (“That lady sat in mournful mood; Look’d over hill and vale...”), а у В. Жуковского она «и тиха, и бледна, и в мечтании грустном глядит...».

Известно высказывание В. Жуковского о том, что переводчик в прозе – раб, а переводчик в стихах – соперник [1]. Проводимый нами сравнительный анализ дает основание полагать, что в балладе «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» В. Жуковский был именно соперником В. Скотта. Используя различные приёмы и смещая смысловые акценты, он воссоздал в переводе близкий, но не тождественный подлиннику художественный мир.

Литература

1. Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 402-418.
2. Семенко И.М. Примечания // Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1959. Т. 2. С. 449-485.
3. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 250.